DOI: 10.17117/na.2016.06.01.491

<http://ucom.ru/doc/na.2016.06.01.491.pdf>

Поступила (Received): 30.06.2016

Упоров И.В.
Режим содержания заключенных по секретной
инструкции НКВД СССР 1939 года

Uporov I.V.
Detention regime by secret instructions of the
NKVD of the USSR in 1939

В статье раскрывается и дается авторский комментарий секретной Инструкции НКВД СССР (1939 г.), которой регулировались режим и условия отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Отмечается, что в целом, несмотря на нелегитимность, этот акт содержал немало прогрессивных по тем временам пенитенциарных норм. Вместе с тем в Инструкцию были включены нормы репрессивного характера в отношении «контрреволюционеров». Делается вывод, что по своему содержанию Инструкцию целесообразнее было издать в законодательном порядке и не засекречивать

Ключевые слова: инструкция, режим, заключенные, исправительно-трудовой лагерь, лагпункт, администрация, свидания, переписка

Упоров Иван Владимирович

Доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор
Краснодарский университет МВД России
г. Краснодар, ул. Ярославского, 122

In the article the author's commentary and given secret instructions of the NKVD of the USSR (1939), which regulated mode and word-of serving the sentence of imprisonment in labor camps. It is noted that in general, despite the illegitimacy, the act contained many progressive at the time of prison rules. However, repressive regulations were included in the instructions on the "counter-revolutionaries". It concludes that its content was more appropriate to issue instructions to the law and not to classify

Key words: instruction mode prisoners, forced labor camp, camp division, administration, visits, correspondence

Uporov Ivan Vladimirovich

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Law Sciences, Professor
Krasnodar university of MVD Russia
Krasnodar, Yaroslavskogo st., 122

В сфере исполнения наказания в виде лишения свободы довоенного периода законность в нашей стране все чаще стала заменяться ведомственными актами, которые нередко противоречили действовавшим законам. Так, порядок и условия отбывания наказания в исправительно-трудовых лагерях и исправительно-трудовых колониях регулировались не ИТК РСФСР 1924 г., а затем ИТК РСФСР 1933 г. (последний формально действовал вплоть до принятия ИТК РСФСР 1970 г.), а ведомственными нормативными актами НКВД СССР. Из их числа в качестве наиболее заметных можно выделить Временную инструкцию о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях 1939 г.

Этот документ был подписан заместителем начальника ГУЛАГа НКВД СССР майором государственной безопасности Добрыниным и объявлен совершенно секретным приказом 2 августа 1939 г. [1] Приказ был подписан заместителем Народного комиссара внутренних дел СССР комдивом Чернышовым. Свою визу – “Согласен” – поставил Прокурор Союза ССР Панкратьев. В преамбуле указывалось: “все ранее изданные директивы и указания по вопросам режима содержания заключенных отменить”.

Вот таким образом ведомственный нормативный акт фактически принял силу закона, причем это было сделано, подчеркнем, с согласия союзной прокуратуры. Как обычно бывает в подобных случаях, начальникам исправительно-трудовых лагерей предписывалось организовать изучение настоящей инструкции со всем начальствующим составом лагеря, инженерно-техническим персоналом и всем личным составом охраны. Инструкция содержала следующие разделы: 1. Общие положения. 2. Обязанности и права заключенных. 3. Порядок передвижения заключенных. 4. Свидания. 5. Передачи (посылки). 6. Переписка. 7. О порядке допуска заключенных на административно-технические должности. 8. Меры поощрения и взыскания. 9. Штрафной режим. 10. Порядок содержания следственных заключенных. 11. Порядок передачи и направления жалоб и заявлений заключенных. 12. О порядке извещения о смерти заключенных и выдаче вещей умерших родственникам.

Всего в инструкции было 152 статьи. Такой солидный для инструкции объем свидетельствует о достаточно подробном регулировании порядка и условий содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях. По структуре данный документ сходен с Инструкцией смотрителю губернского тюремного замка 1831 г., а также Общей тюремной инструкцией 1915 г. Часть норм сходна и по содержанию, что и неудивительно, поскольку во всех случаях речь идет об изоляции общественно опасных лиц. Однако сразу бросается в глаза то обстоятельство, что если инструкции времен империи не были секретными, то инструкция НКВД “закрыта” сразу двумя “засекречивающими” нулями. В дальнейшем такого рода документы (под названием Правил внутреннего распорядка исправительно-трудовых учреждений) также будут в своей основной части оставаться закрытыми для осужденных и всех граждан, правда, уже под грифом не “совершенно секретно”, а “для служебного пользования”, а открытыми они станут лишь с 1992 г.

В первой же статье указывается, что режим содержания заключенных должен обеспечить: а) надежную изоляцию преступников, осужденных за преступления предусмотренные уголовным кодексом; б) организацию порядка содержания заключенных в лагере, обеспечивающего наиболее эффективное использование труда заключенных. Как видно, о какой-либо задаче, связанной с исправительным воздействием на заключенных, речи нет. Главное было надежно изолировать заключенных и выжать из них максимально возможный хозяйственно-экономический потенциал. Далее особо оговаривается, что осужденные за контрреволюционные преступления должны направляться, как правило, в лагеря, находящиеся в отдаленных местностях (ст.2 инструкции). В этом

смысле Советское государство действовало точно также, как российские императоры, а до империи великие князья, отправляя политических преступников в отдаленные места подальше от столиц, при этом должен быть обеспечен «усиленный режим».

Заклученные в ИТЛ размещались по лагерным пунктам (участок, колонна, командировка), которые организовывались вблизи объектов работ. Территория расположения лагерного пункта должна была быть предварительно обследована и отвечать следующим основным положениям: а) максимально приближена к месту работ; б) максимально удалена от общегражданских населенных пунктов; в) сухая местность, обеспечивающая естественный или искусственный сток поверхностных вод; г) наличие доброкачественной и удободобываемой питьевой и хозяйственной воды. Лагерный пункт (участок, колонна, командировка) изолировались одним из следующих видов ограждения: а) забором из колючей проволоки; б) забором-частоклом; в) сплошным деревянным забором. Для наблюдения и охраны территории лагпункта с внешней стороны устанавливались посты-вышки для часовых. В мелких подразделениях (командировках, подкомандировках) устройство вышек было не обязательно. Для пропуска заключенных в лагпункт и обратно устанавливались вахты.

Заклученные размещались в бараках. Имеющие право бесконвойного передвижения размещались отдельно от остальных заключенных. Бараки не запирались круглые сутки. Несовершеннолетние заключенные размещались на отдельных участках изолированно от взрослых. Причем несовершеннолетние заключенные рецидивисты, а также осужденные за контрреволюционные преступления размещались в отдельных бараках изолированно от других несовершеннолетних заключенных. В зоне лагпункта допускалось свободное передвижение заключенных до сигнала к отходу ко сну, после чего всякое передвижение по лагпункту прекращается, за исключением лиц, имеющих на это разрешение начальника лагпункта, участка, колонны, командировки. Хождение заключенных из барака в барак запрещалось. Посещение женских общежитий заключенными мужчинами и наоборот также запрещалось, за исключением лиц административного персонала (ст. 8-10).

Совместное расположение в зоне досягаемости осужденных мужчин и женщин противоречило сложившемуся к тому времени общепризнанному пенитенциарному принципу, согласно которому эти категории должны размещаться абсолютно изолированно, поскольку в противном случае неизбежны извращения в половой сфере, что, несмотря на запреты, и имело место в исправительно-трудовых лагерях, поскольку мужские и женские отделения располагались в зоне досягаемости. В послевоенное время мужские и женские отделения на территории одного лагерного подразделения стали перегораживаться колючей проволокой. Но и в этом случае, по описанию А.И. Солженицына, инстинкт тянул мужчин и женщин друг к другу [2, с. 542]. И лишь с середины 1950-х гг. стали устраиваться отдельные мужские и женские ИТУ.

Согласно ст. 12 Инструкции категорически запрещалось всем без исключения заключенным проживание за зоной в деревнях, на частных квартирах или

в домах, принадлежащих лагерю. В отдельных случаях вследствие производственной необходимости разрешалось, в местах, удаленных от населенных пунктов, проживание бесконвойных заключенных за зоной в служебных помещениях под систематическим наблюдением охраны. Однако ни при каких обстоятельствах не разрешалось проживание за зоной осужденных за контрреволюционные преступления. Командировки заключенных в различные учреждения и организации, а также бесконвойное передвижение, связанное с заездом в города и промышленные центры, не допускалось. Запрещалось также использование заключенных в качестве домашних работниц (домашних работников). Однако тут же делалась оговорка, что отдельные исключения все же могли допускаться, но только с разрешения начальника ГУЛАГа НКВД СССР. На практике эта лазейка использовалась довольно активно. В этом смысле положение заключенных в советских ИТЛ мало отличалось от положения каторжан, содержащихся в острогах в период империи, которые также использовались в качестве домашней obsługi чиновных лиц [3, с. 312]. В дальнейшем, уже с середины 1950-х гг., администрации ИТУ ни при каких обстоятельствах не разрешалось использовать заключенных в личных целях, однако фактически это происходило все время, включая современный период, хотя, конечно, в меньших масштабах.

Согласно ст. 35 Инструкции каждый заключенный обязан был работать по назначению администрации лагеря. По своему содержанию данная норма должна, безусловно, иметь законодательный характер, поскольку регулирует фундаментальное экономическое право гражданина. Здесь же данное положение закреплено в ведомственном акте (это касается и ряда других прав, о которых пойдет речь ниже). В последующем обязанность осужденных трудиться была закреплена законодательно – в ст. 37 ИТК РСФСР 1970 г., а затем в ст. 103 УИК РФ 1997 г. Заключенные, отказывавшиеся от работы, подлежали переводу на штрафной режим, а злостные отказчики, своими действиями разлагающие трудовую дисциплину в лагере, могли привлекаться к уголовной ответственности.

В соответствии со ст. 42 заключенным разрешалось хранение и пользование продуктами питания, носильными вещами по норме, постельными принадлежностями, металлической посудой (ложки, чашки, миски), шахматами, шашками, книгами, журналами и газетами, спичками, папиросами, починочными материалами (иголки, нитки и т.д.), принадлежностями для письма и туалетными принадлежностями (мыло, зубная щетка и порошок). С небольшими вариациями этот список будет действовать до начала 1990-х гг., а с принятием новой редакции Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений 1992 г. перечень разрешаемых к пользованию предметов и вещей был заметно расширен.

При обращении к администрации лагеря заключенные обязаны были держать себя вежливо. В частности, при посещении лагподразделения начальствующим составом лагеря, а также должностными лицами, имеющими право посещения лагеря и его проверки, заключенные по команде "внимание" обязаны

были вставать (ст. 51). Эта норма в несколько измененном варианте сохранялась до 1997 г. – в принятом в этом году новой редакции Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений подобной формулировки уже нет.

А вот как обстояло дело со свиданиями заключенных с родственниками. Таковые разрешались (в расположении лагеря) только при условии выполнения заключенными производственных норм и соблюдения лагерного режима. Свидания заключенным с прибывшими родственниками могли быть предоставлены в свободное от работы время. Предусматривались свидания как в присутствии охраны, так и личные свидания. Заключенным, находящимся на излечении в стационарах и больницах, свидание разрешалось в том случае, если они до болезни выполняли производственные нормы и соблюдали установленный режим в лагере. Свидания предоставлялись 1 раз в 6 месяцев, а в порядке поощрения лучшим производственникам до 1 раза в 2 месяца. Заключенным, осужденным за государственные и иные тяжкие преступления, свидания разрешались только с санкции начальника ГУЛАГа НКВД. По ряду других преступлений – только с разрешения начальника лагеря. Личные свидания (по нынешней терминологии – длительные) предоставлялись заключенным с письменного разрешения начальника управления лагеря только с прямыми родственниками (женой, мужем, родителями, детьми) на срок не более 5 суток (в последующем длительные свидания были уменьшены до 3 суток, это относится и к настоящему времени).

Переписка регулировалась следующим образом. Указывалось, что заключенным разрешается вести переписку без ограничения. Осужденным за контрреволюционные преступления (за террор, шпионаж, измену родине, диверсию, участие в контрреволюционных троцкистских, зиновьевских, правых организациях, а также в других антисоветских преступлениях, перебежчиков, членов антисоветских партий (меньшевики, эсеры и др.) разрешалась переписка раз в три месяца. Заключенным, осужденным за контрреволюционные преступления, не перечисленные выше, допускалась переписка один раз в месяц.

Вся входящая и исходящая переписка в обязательном порядке просматривалась специально выделенным вольнонаемным работником (цензором). Письма просматривались и вручались адресатам, а также отправлялись адресатам в 5-дневный срок с момента их поступления на просмотр. В письмах заключенных запрещалось указывать сведения о количестве заключенных в лагере, о всех вопросах, связанных с режимом содержания заключенных, охраной лагеря и характером производства. Такие письма подлежали конфискации, о чем составлялся акт, который приобщался к личному делу заключенного.

Немалый интерес вызывает регулирование дисциплинарной практики (ст. 104-137). За нарушение правил внутреннего распорядка, недобросовестное отношение к труду или отказ от работы на заключенных налагались взыскания. При этом четко распределялась компетенция разных должностных лиц. Так, начальником Управления лагеря могло быть наложено одно из следующих взысканий: а) лишение свиданий, переписки, передач на срок до 6 месяцев, ограничение в праве пользования личными деньгами на срок до 3-х месяцев и возмещение причиненного ущерба; б) перевод на общие работы; в) перевод на

штрафной лагпункт сроком до 6 месяцев, г) перевод в штрафной изолятор сроком до 20 суток; д) перевод в худшие материально-бытовые условия (штрафной паек, менее благоустроенный барак и т.п.). О наложении взыскания на заключенного во всех случаях выносилось мотивированное постановление за подписью начальника лагеря или лагерного подразделения, которое по исполнении приобщалось к личному делу заключенного. При решении вопроса о наложении взыскания начальник лагерного подразделения обязан был заслушать личное объяснение заключенного, совершившего нарушение.

Важной представляется норма, согласно которой заключенному разрешалось обжалование наложенного на него взыскания перед вышестоящими начальниками. Начальник управления лагерей и лагерного подразделения имели право досрочно отменить или снять наложенное ими взыскание, если работа заключенного на производстве, его поведение в быту и дисциплинированность свидетельствовали о его исправлении. Кроме того, каждый начальник лагерного подразделения мог возбудить перед вышестоящим начальником, как по своей инициативе, так и по заявлению заключенного, ходатайство о досрочной отмене или снятии наложенного взыскания, если поведение заключенного и его ударный труд свидетельствовали о его исправлении.

В отношении заключенных, соблюдающих режим, хорошо проявивших себя на производстве, перевыполняющих установленную норму, могли применяться следующие меры поощрения. Так, в компетенции начальник управления лагеря были: а) объявление благодарности в приказе с занесением в личное дело; б) выдача премии (денежной, натуральной); в) предоставление внеочередного свидания; г) предоставление права получения посылок и передач без ограничения; д) предоставление права перевода денег родственникам в сумме, не превышающей 100 рублей в месяц. Заключенным, работающим стахановскими методами труда, помимо указанных мер поощрения, начальником управления лагеря, начальником отделения (района), отдельного лагпункта и начальником лагерного пункта (участка), могли быть предоставлены следующие льготы, в том числе: а) лучшие и благоустроенные бараки, обрудованные топчанами и кроватями, обеспечение постельными принадлежностями, культуголком и радио; б) специальный улучшенный паек; в) отдельная столовая или отдельные столы в общей столовой с первоочередным обслуживанием; г) вещевое довольствие в первую очередь и 1-го срока носки; д) преимущественное право пользования лагерным ларьком; е) первоочередное получение книг, газет и журналов из библиотеки лагеря; ж) постоянный клубный билет на занятие лучшего места для просмотра кинокартин и др.

Довольно подробно в Инструкции регулировались вопросы, связанные с жалобами и заявлениями заключенных. Указывалось, в частности, что каждый заключенный имеет право подавать жалобы и заявления, как в письменной, так и в устной форме. Кроме непосредственного приема жалоб и заявлений администрацией лагпункта, в каждом лагерном пункте должны были быть ящики для жалоб, адресованных Народному комиссару внутренних дел Союза ССР, начальнику ГУЛАГа, прокурору Союза ССР, начальнику лагеря и прокурору по надзору за лагерем. Ящики предписывалось опечатывать печатью Управления лагеря

или района (отделения) и могли вскрываться только доверенными лицами от начальника Управления лагеря, начальника района (отделения) или заместителей не менее 1 раза в 5 дней. Жалобы и заявления заключенных, адресованные на членов Политбюро, секретарей ЦК ВКП(б), в ЦК ВКП(б), КПК республик, СНК СССР, Комиссию советского контроля, судебные органы и прокуратуру, а также в органы НКВД и поданные в закрытом виде, надлежало немедленно направлять в Управление лагеря для пересылки непосредственно адресатам без ознакомления с содержанием. О времени направления жалобы полагалось уведомлять жалобщика. О результатах разбора жалобы-заявления следовало объявлять заключенному под расписку, приобщая последнюю к личному делу заключенного (ст. 137-148).

Анализ данной инструкции и сравнение ее содержания с предшествующими и последующими подобными нормативными актами показывает, что Временная инструкция 1939 г. не представляется явным выражением административно-командной системы, уже укрепившейся в то время в нашей стране. По этому документу не следует, что в ИТЛ царили произвол и беззаконие, а заключенные находились в невыносимых бытовых условиях. Напротив, в инструкции немало вполне нормальных пенитенциарных норм, и более того, некоторые из этих норм выглядят даже прогрессивнее, чем в действующем Уголовно-исполнительном кодексе РФ. Это, в частности, касается положений о свиданиях, посылках. С точки зрения защиты прав человека заслуживает блок норм об жалобах и заявлениях заключенных, в том числе об ответственности должностных лиц за недоставку писем заключенным, вскрытие закрытых жалоб и др.

В этом смысле выглядит более чем странным решение государственных органов сделать инструкцию совершенно секретной – ведь содержание ее позволяло иметь выигрышный пропагандистский тезис о том, что в СССР вполне соблюдается большинство общепризнанных пенитенциарных норм.

Однако все становится на свои места, если иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, большинство норм инструкции, и прежде всего касающиеся прав заключенных, были не более чем декларацией. Здесь положение обстоит аналогично тому, как действовавшая Конституция СССР (1936 г.) обеспечивала всем гражданам страны фундаментальные права и свободы – красиво изложенные в Основном законе они в своем большинстве оставались “бумажными”. Но если нормы конституции носили общий характер и их “бумажность” проявлялась не столь заметно, то нормы инструкции, будь они опубликованы для всеобщего сведения, сразу же показали бы свою несостоятельность. Власти, видимо, это хорошо понимали, и поэтому предпочли спрятать инструкцию за секретные “нули”. Во-вторых, в инструкции содержались и такие нормы, которые все же отражали всевластие в стране административно-командной системы. Речь идет, в частности, о возможности запрета свиданий и переписки заключенных со своими родственниками для некоторых категорий заключенных и в целом предоставлении руководителям ИТЛ большого субъективного усмотрения в определении как условий жизни и труда заключенных, так и в целом их судьбы. В-третьих, данную инструкцию нельзя вырывать из контекста общей

уголовно-правовой политики Советского государства того периода, предполагающей осуждение и направление в ИТЛ за деяния, которые в других странах уже давно были нормальным явлением политической жизни (например, за ту же так называемую антисоветскую пропаганду, являвшуюся по сути обычной оппозиционной деятельностью). Определяемое ВКП (б) и советской властью отношение общества к “контрреволюционерам” как к врагам народа не могло предполагать гуманное к ним отношение в местах лишения свободы, и в этой связи опубликование инструкции вряд ли было бы одобрительно воспринято большей частью населения. Несмотря на формальную «временность» этот акт действовал до середины 1950-х гг.

Список используемых источников:

1. Приказ НКВД СССР № 00889 от 02.08.1939 г. об объявлении “Временной инструкции о режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР” // ГАРФ. Ф.9401. Оп. 12. Д. 304. Лл. 11–22; ГУЛАГ. 1918–1960. Сб. док. / ред. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: РОССПЭН, 2000. С. 456–477.
2. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. М., 1991. С.542.
3. Якубович П.Ф. (Мельшин). В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. СПб., 1907. С.312.

© 2016, Упоров И.В.

Режим содержания заключенных по секретной инструкции НКВД СССР 1939 года

© 2016, Uporov I.V.

Detention regime by secret instructions of the NKVD of the USSR in 1939